

ЛИЧНОСТЬ В. С. СОЛОВЬЕВА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В свете биографических данных, воспоминаний и свидетельств современников великий русский философ, поэт и публицист Владимир Сергеевич Соловьев предстает весьма неоднозначной личностью, натурой сложной и противоречивой. Посвятив ряд работ решительной критике современного ему славянофильства и византийско-московского православия, он был обвинен в прозападнических симпатиях и измене русской идее. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении его жизнь и творчество представляются в своих важнейших чертах и проявлениях воплощением именно русского культурного типа, русского менталитета.

Культурологи понимают под менталитетом глубинную структуру культуры, укорененную в психике, сознании и поведении, характерную совокупность представлений, ценностных ориентаций, жизненных установок определенной группы людей (этноса, нации, социальной группы). В менталитете отражаются и выражаются такие значимые условия жизни людей, как духовное наследие, историческое прошлое, геополитическое положение, ландшафт, биосферные процессы. Менталитет воплощается в национальном характере и определяет его важнейшие черты и проявления. Русский национальный характер неодинаково характеризуется различными отечественными и зарубежными исследователями. В систематическом виде соответствующие материалы содержатся в работах как классиков русской мысли – Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, К.Д. Кавелина, Н.А. Карамзина, В.О. Ключевского, Николая Лосского, С.М. Соловьева, так и современных философов и культурологов – А.С. Кармина, В.Н. Сагатовского, З.В. Сикевич. Известны многочисленные сочинения иностранцев, как посетивших Россию

в далеко отстоящее от нас времена, (среди них отметим Контарино, Герберштейна, Олеария, Поссевино, де Кюстина, де Сталь), так и наших современников – Хедрика Смита, Роберта Кайзера и других. К числу общих, наиболее часто выделяемых черт русского менталитета, как правило, относят коллективизм и такие его модификации, как общинность, соборность, гостеприимство, взаимопомощь, духовность, проявляющаяся в бескорыстии, непрактичности, презрении к мещанству, материальным благам вообще, открытость, порождающую отзывчивость, готовность к диалогу с другими культурами, способность впитывать в себя и развивать их достижения, страстность, гиперболизм, выливающийся в максимализм, склонность к молодечеству, безудержности, разгулу, безграничную свободу, невоздержанность, патриотизм, эсхатологизм, сопряженный с верой в лучшее будущее, проникнутость высокими идеалами, мечтательность, мессианское сознание, связанное с представлением о великом предназначении России в истории человечества, об особой духовной силе русского народа, беспечность, беззаботность, безответственность, слабых характерность, полагание на "авось". Такие глубокие интерпретаторы, как Николай Лосский, подчеркивали особую религиозность русского народа, его способность и наделенность масштабными формами религиозного опыта.

Как показывают биографические материалы, именно эти основные проявления русского национального характера лежали в основе личности Вл. Соловьева.

Всю жизнь он неизменно отличался особой духовностью, возвышенной настроенностью, идеализмом, поразительным образом сочетавшимися с живым чувством юмора, веселым нравом, склонностью к остроумной шутке, иронии, причем, как в быту, где Вл. Соловьев часто производил на своих собеседников впечатление и весьма глубокое, возвышенное, и, в то же время, слыл остряком, любителем шуток и баловства, так и в творчестве, где юмористика и даже ирония пронизывала иной раз даже самые серьезные философские и литературные рассуждения. Впрочем, юмористика Вл. Соловьева всегда была не злой насмешкой, а весельем, именно духовным весельем, радостным состоянием духа, свидетельством неисчерпаемого оптимизма, а потому ничуть не противоречила его

идеализму. Недаром, читая курс лекций по греческой философии на Высших женских курсах в Москве, он утверждал, что сущность человека, по большому счету, заключается в том, что человек является существом смеющимся. Этой своеобразной двойственностью характера особенно были отмечены гимназические и студенческие годы Вл. Соловьева – годы напряженных исканий и становления личности, характеризующиеся, с одной стороны, безудержной шаловливостью и баловством, а с другой, – серьезными религиозными переживаниями и философскими поисками, настолько интенсивными, что уже в возрасте 19 – 20 лет он сформулировал основные положения своей мировоззренческой системы, которую последовательно развивал всю жизнь.

При этом Вл. Соловьеву было свойственно совершенно равнодушное отношение к практической, материальной стороне жизни. Ему была присуща редкая безалаберность, беспечность и даже беспомощность. По воспоминаниям Е.Н. Трубецкого, в житейских отношениях всякий мог обойти и обмануть его: "Получая хорошие заработки от своих литературных произведений, он вечно оставался без гроша, а иногда даже почти без платья". По многочисленным свидетельствам – М.А. Малиновского, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.М. Ковалевского и др. – непрактичность Вл. Соловьева, не знавшего никакого быта, забывавшего обедать и всецело погруженного в свои мысли, сочеталась и, по-видимому, была следствием восторженного и бескорыстного искания истины, постоянной кипучести мысли, необычайного идеализма, придававшего ему особое обаяние в глазах окружающих. На собеседников производило большое впечатление необычайно одухотворенное выражение его лица, как бы не от мира сего. Одухотворенность, необыкновенная вера в то, что он говорит, заставляла многих, например, тех же М.А. Малиновского и М.М. Ковалевского, сравнивать Вл. Соловьева с вдохновенным пророком.

Этот идеализм подчас приводил его к неожиданным поступкам. Наивная убежденность в необходимости христианского всепрощения (а вовсе не революционные взгляды) побудила его во время публичной лекции 28 марта 1881 г. призвать к помилованию убийц Александра II, мотивируя это тем, что "настоящее тягостное время

дает русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения..." (из письма Вл. Соловьева к Александру III). Принципиальность в идейных вопросах, установленное для себя непреложное правило соблюдать все требования христианской нравственности привело к болезненным разрывам Вл. Соловьева с такими бывшими близкими ему людьми, как Н.Н. Страхов, А.М. Иванцов-Платонов, Н.Ф. Федоров, А.А. Фет, К. Леонтьев, И.С. Аксаков.

Обычно уравновешенному и благожелательному, терпеливому, вежливому, даже услужливому Вл. Соловьеву временами вовсе не чужда была экспрессивность, эмоциональность, кратковременные, но бурные страстные порывы. Эту внезапную неукротимую страстность, увлекаемость, впечатлительность можно назвать отличительной чертой натуры Вл. Соловьева, определявшей его деятельность во многих проявлениях жизни, в любви, дружбе, учебе, но прежде всего — в его философских и религиозных исканиях. Он быстро, с ходу и до глубины души, "со всеми общими взглядами и частными мнениями" (по словам Л.М. Лопатина), но, как правило, весьма ненадолго увлекался самыми разнообразными философскими и религиозными учениями: материализмом, социализмом, дарвинизмом, идеями Спинозы, Шопенгауэра, Н. Гартмана, Федорова, атеизмом, католицизмом и т. д. При этом проявлялась неудержимая последовательность его ума, воодушевленная преданность исповедуемым идеалам, "совершенное неумение идти на компромиссы с окружающей действительностью и ничем, никакими разочарованиями непоколебимая вера в могущество идеалов над реальной жизнью" (по Л.М. Лопатину). По воспоминаниям близких друзей, в минуты душевного подъема Вл. Соловьев мог вести себя удивительным образом. Так, известен факт, когда в период своего увлечения материализмом после горячего спора с товарищами Вл. Соловьев выкинул иконы из окна своей комнаты; или случай, когда однажды, случайно оказавшись во время прогулки с друзьями на кладбище, в припадке бурного свободомыслия он повалил на могиле крест и стал на нем прыгать.

Весьма показательны в данном отношении и необычайные видения Вл. Соловьева, особые психические состояния, охватывавшие

его в Англии, Египте и России, в которых к нему являлся образ Софии – Премудрости Божией – в виде какой-то безбрежной космической лазури с женским лицом, а также яркие мистические сны, об одном из которых, к примеру, он писал вдове И.С. Аксакова.

Тем не менее, возможно, именно столь своеобразное сочетание спокойного глубокого раздумья и небывалой умственной экзальтации и позволило Вл. Соловьеву в очень короткие сроки овладеть обширнейшими философскими знаниями и уже в 1874 г., двадцати лет от роду защитить магистерскую диссертацию, а впоследствии столь плодотворно работать над собственной философской системой. Характерная страстность нашла отражение и в работах Вл. Соловьева, которые, кроме строгой последовательности и систематизации, отличаются также и необычайным размахом, темпераментом, острой хваткой мысли.

В личной же жизни эта беспокойная впечатлительность, думается, послужила одной из основных причин того, что Вл. Соловьев навсегда остался непоседой, неустроенным, вечно что-то ищущим, часто менявшим места своего жительства, никогда не имевшим собственной семьи и собственного дома. Он жил и в Москве, и в Петербурге, и в провинциальных имениях своих родных и друзей, совершил несколько длительных поездок за границу. Особенно интересным было его путешествие в Египет, к древним Фивам, куда он под впечатлением изучаемой им в Лондоне каббалистической литературы отправился в поисках древних египетско-христианских тайн, в надежде получить здесь новое, небывалое духовное откровение и где его и посетило видение Софии, "Вечной женственности".

Весьма характерной для Вл. Соловьева была также нелюбовь ко всякого рода формализму, казенщине, распорядкам и правилам, отчего он нередко проявлял себя излишне свободно и вольнодумно. По воспоминаниям однокурсников, во время учебы в Московском Университете он практически не ходил на лекции, нередко ссорился с экзаменаторами, а в итоге, вообще заканчивал университет экстерном. К своей академической карьере Вл. Соловьев относился достаточно равнодушно. Он не любил преподавание с такими его принудительными моментами, как лекционные программы, обя-

зательное расписание лекций, студенческие экзамены, ученые советы и отчеты. Быть профессором было для него просто скучно. Несмотря на редкостную научную подготовленность, он всегда чувствовал себя в большей степени оратором, публицистом, литературным критиком, поэтом. Поэтому вполне объяснимо, что после защиты двух диссертаций он оставил преподавание в Университете и стал свободным литератором, не связанным никакими формальными обязанностями.

Вл. Соловьеву всегда было присуще очень глубокое чувство России и представление об ее особом месте и роли в истории человечества. Ругаемый и славянофилами, и западниками, он последовательно проводил идею "своей России" – не восточной, но и не западной, "семьи народов", гармонично объединяющей национальное и интернациональное, а потому призванной сыграть особую роль в деле становления вселенского всеединства.

Практически до последних лет жизни Вл. Соловьеву была присуща глубокая вера в конечное торжество общечеловеческого идеала и в столь активно развиваемую им идею богочеловечества и вселенской церкви. По воспоминаниям Л.М. Лопатина, он всегда поражал беззаветной, даже наивной убежденностью в непременном и очень близком торжестве абсолютной правды на земле. Лишь в последние годы к нему приходит чувство тревоги, беспокойства, неуверенности и трагических ожиданий. В его работах, особенно поэтических, все ярче проявляется предчувствие небывалых мировых катастроф. Ослабевают столь свойственная ему бодрость духа, оптимизм, глубокие конфессиональные переживания. Вл. Соловьев тяжело переносит свое одиночество и часто испытывает материальные затруднения. Он приходит к мысли о бессмысленности своей вежливости, как необходимого правила социальной нравственности, всех своих бесчисленных хлопот по чужим делам, о том, что время и здоровье уходят, а между тем столько собственных проектов и начинаний ждут своей разработки. Эти настроения находят отражение в "Трех разговорах". В таком настроении, вероятно, и закончивается его земная жизнь.

Отметим способность к сопереживанию, сочувственное, открытое для ответа на чужое страдание сердце Вл. Соловьева. Он все-

гда отличался небывалой добротой, задушевностью, сердечностью обращения, глубокой и чуткой человечностью, постоянной потребностью радовать людей и помогать им. Интерес к другому человеку, другим культурам и эпохам, открытость для диалога развиваются в его духовном складе в предрасположенность к широкому культурному синтезу, способность понимать, охватывать мыслью и чувством иные эпохи, культуры и континенты.

В его душе соединялись в удивительное, неповторимое целое, на первый взгляд, противоположные, несоединимые черты: глубокая религиозность и свободомыслие, напряженная сосредоточенность мощного и оригинального философского ума на труднейших проблемах жизни и чрезвычайная общительность, задушевность, редкая самобытность мысли и чрезвычайно развитая способность усваивать и проникаться чужими мыслями, ощущение трагичности жизни и неиссякаемый юмор, беспечность в устройстве своих личных дел и трогательная заботливость о чужих делах. Но не есть ли это важнейшей особенностью русской души, всегда признававшейся противоречивой и потому – загадочной?

Таким образом, в личности В.С. Соловьева отразились характерные особенности русского духовного склада, достоинства и сложности национального характера. Этой предельной, удивительной воплощенностью основных черт национального менталитета уникальна личность Владимира Сергеевича Соловьева. Не случайно, интерес к образу и творчеству великого русского мыслителя не только не уменьшается, но и возрастает во всем мире, свидетельством чему являются проводимые в этом году международные научные и философские чтения и конференции, посвященные юбилею великого мыслителя.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Ильин В.Н. Арфа царя Давида в русской поэзии. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1960. – 77 с.
2. Кармин А. С. Культурология. – СПб.: Лань, 2001. – 832 с.
3. Книга о Владимире Соловьеве. – М.: Советский писатель, 1991. – 512 с.

4. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. — М.: Прогресс, 1990. — 720 с.
5. Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. — М.: Мысль, 1983. — 208 с.
6. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М.: Республика, 1995. — 607 с.
7. Сборник статей о В. Соловьеве. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1960. — 265 с.
8. Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. — М.: Наука, 1994. — 208 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — 687 с. — Т.1.
10. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — 735 с. — Т.2.
11. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1990. — 892 с. — Т.1.
12. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1990. — 822 с. — Т.2.
13. Соловьев: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2000. — 895 с.